

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

УДК 81'42:004.738

ББК 81

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-2-26-90-99>**В. И. Карасик**
Москва, Россия**Vladimir I. Karasik**
Moscow, Russia**Высказывание, жанр, дискурс:
семиотическое моделирование****Utterance, Genre, Discourse: Semiotic Modeling**

Предложен семиотический подход к моделированию дискурса, представляющий собой его характеристику с позиций 1) соотношения его формы и содержания, 2) определения типов содержания. В первом случае можно выделить три уровня манифестации дискурса на основании признака контекстуализации – высказывание, жанр и тип дискурса. Во втором случае уточняются семиотически релевантные признаки его содержания. Осмысление дискурса как сигнального, иконического или символического знакового образования дает возможность осветить 1) его фатическое осуществление, 2) его тематику в связи с обстоятельствами общения и 3) правила, лежащие в основе его организации. Объяснение дискурса с позиций соотношения его семантики, прагматики и синтактики сориентировано на раскрытие 1) его тематики, 2) личностно-ситуативных характеристик общения (особенно значимы в этом плане различные типы неассертивных смыслов – эмблемы, аллегории и символы) и 3) дискурсивной комбинаторики, интердискурсивных связей и эволюционных изменений дискурса. Семиотическое моделирование дискурса раскрывает его многомерную природу и дает возможность учесть его структурные, тематические, социально-психологические, тонально-прагматические и ситуативно-режимные параметры.

Ключевые слова: дискурс, жанр, высказывание, модель, семиотика, смысл.

The paper deals with semiotic representation of discourse treated as a text immersed in a communicative situation. In this respect discourse may be analyzed from the point of view of 1) its form and content correlation and 2) types of its content. The first approach makes it possible to single out three contextually relevant levels of discourse manifestation: 1) a concrete situationally bound utterance or text, 2) a text genre and 3) a discourse type. The second approach is aimed at description of semiotically relevant contentive types of discourse. Three types of signs as proposed by Ch. Pierce allow us to describe signal, iconic and symbolic types of discourse corresponding to 1) phatic communion conventions, 2) topic and situation correlation and 3) programs of behavior as implanted in discourse. Three types of sign meaning (semantic, pragmatic and syntactic sign dimensions) as postulated by Ch. Morris focus on 1) the meaning of discourse (its topic), 2) personal and situational characteristics of interactions (non-assertive components of meaning – emblems, allegories and symbols – are especially important in this respect), 3) inter-discourse combinations, correlations and evolution patterns. Semiotic modeling of discourse enables us to see its multidimensional nature and describe its structural, topical, social, psychological and situational qualities.

Keywords: discourse, genre, utterance, model, Semiotic, meaning.

Сведения об авторе: Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания.

Место работы: Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина, Москва.

E-mail: vkarasik@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>

About the author: Karasik Vladimir Ilyich, Doctor of Philology, Professor of the Department of General and Russian Linguistics.

Place of employment: Pushkin State Russian Language Institute, Moscow.

E-mail: vkarasik@yandex.ru

<https://orcid.org/0000-0001-8306-5317>

В науке противопоставляются феномены (явления, подлежащие изучению) и конструкты (модели этих явлений, построенные исследователями). К числу таких моделей относятся схемы, отражающие совокупности подходов

к изучению дискурса. Изучение дискурса привлекает к себе внимание многих современных исследователей [1–19]. Основные подходы к осмыслению этого феномена сводятся к моделированию его структурных, функцио-

нальных, культурно-исторических и личностно-ситуативных характеристик. Соотношение феномена и конструкта в гносеологическом плане соответствует принципам познаваемости мира, полиаспектности явлений и вытекающей отсюда множественности моделей и асимптотическому приближению конструкта к реальности, т. е. мир познаваем, допускает множество измерений, и наши представления о реальности постоянно приближаются к ее сути.

В данной работе предлагается модель изучения дискурса, в основу которой положены его семиотические характеристики. Дискурс понимается как текст, погруженный в ситуацию общения (уточненная формулировка известного определения «Речь, погруженная в жизнь», по Н. Д. Арутюновой).

В семиотическом плане, как известно, противопоставляются форма и содержание знака, и если дискурс рассматривается как семиотический феномен, то мы вправе выделить его формальные и содержательные признаки. Форма знака представляет собой его чувственно воспринимаемую оболочку, то, что называется телом знака. Применительно к языковым единицам мы говорим о трехуровневом понимании формы языкового знака. На первом уровне (это фонетические или графические знаки) перед нами чувственно воспринимаемые сигналы. На втором уровне – сигналы сигналов, речь идет о значении как знаке, для которого содержание чувственно воспринимаемой оболочки превращается в форму, такова семиотическая природа слов и словосочетаний, а также автосемантических высказываний, взятых вне контекста. На третьем уровне происходит усложнение знаковых характеристик языковых единиц, которые становятся единицами общения и в которых значение приобретает статус смысла, привязанного к ситуации и личностям участников коммуникации, схематически это сигнал сигнала, здесь имеет место двойное переворачивание формы и содержания с переходом этих сущностей на новую ступень. Контекстуализация – это переход знака на его высший уровень. Двигаясь в обратном направлении, мы можем сказать, что контекстуализованный знак открыт нам для непосредственного восприятия и осмысления, далее мы можем установить его значение как абстрактный конструкт и, наконец, определить его форму (тип).

Применительно к дискурсу как ситуативно и культурно обусловленному коммуникативному феномену его контекстуальная ипостась сводится к тексту и релевантным признакам ситуации, позволяющим понять этот текст в его конкретном воплощении. Абстрагируясь

от конкретного текста, мы приходим к текстотипу, и, обобщая ситуативные характеристики коммуникации, мы говорим о дискурсивном жанре. Самой абстрактной ступенью представления дискурса становится в таком случае определение его типа. Например, сталкиваясь с устным телевизионным выступлением политика, мы понимаем, что перед нами жанр предвыборных дебатов, и относим это явление к политическому дискурсу. Это справедливо и в отношении любого типа дискурса: мы видим конкретный текст рассуждений, оформленных по канонам научной статьи, понимаем, что перед нами статья, и оцениваем ее как соответствующую или не соответствующую научному дискурсу в той или иной его тематической предметной разновидности. Таково содержательно-формальное измерение дискурса.

Уточнение содержательных семиотических характеристик языковых знаков представлено в трех типах знаков, по Ч. Пирсу: иконических, сигнальных и символических [20]. Первые являются изобразительными и, замещая реальность, содержат узнаваемые характеристики этой реальности (таковы идеограммы и звукоподражания), вторые принципиально условны и связаны с реальностью только произвольно (подавляющее большинство языковых знаков), третьи включают программу интерпретации (знак превращается в ориентир поведения, например, этикетное приветствие требует ответного этикетного приветствия). Заметим, что третий тип знаков не вписывается в строгую дихотомическую модель соответствия либо несоответствия знака и референта, предполагает качественно иное осмысление знака, и поэтому представляет собой переход от семантики к прагматике знака.

Применительно к дискурсу противопоставление иконических и сигнальных знаков, т. е. противопоставление иконического и сигнального общения, может быть осмыслено как информативное либо фатическое общение, в первом случае в коммуникации есть связь между тематическим содержанием и обстоятельствами коммуникации, во втором случае такой связи нет. Символическое осмысление дискурса (в семиотическом понимании символа) предполагает поведение его участников в соответствии с дискурсивными нормами. В научном дискурсе его конститутивными признаками считаются рациональная аргументация и доказательность, в рекламном дискурсе – эмоциональное воздействие на адресата и персуазивность, включающая отсылки к авторитету и допускающая манипулятивность. Отметим, что в реальном общении эти простые схемы усложняются, поскольку имеет место размывание дискурсивных границ, с од-

ной стороны, и каждый тип дискурса и каждый жанр представляет собой полевое образование, включающее типичные и менее типичные разновидности, с другой стороны. Например, в жанре научного доклада могут появиться включения, относящиеся к политической полемике, рекламному продвижению своей позиции или к несерьезному общению. Так, в научном докладе, посвященном специфике понимания лингвистики и филологии, один авторитетный ученый недавно разбил наше научное сообщество на лингвистов (тех, кто изучает язык как систему), филологов (тех, кто исследует и описывает различные тексты) и «ренегатов от лингвистики» (тех, кто претендует на строгое научное моделирование языковых единиц, но занимается истолкованием их употребления в речи). Такая полемика вызвала улыбки аудитории, но в свое время квалификация тех или иных научных конструкций как примеров буржуазной лженауки приводила авторов этих конструкций к весьма печальным последствиям.

Важнейшей семиотической моделью содержания знаков является противопоставление трех функциональных характеристик этих явлений – семантики, прагматики и синтактики, т. е. отношения знака к реальности, к интерпретатору и к другим знакам [21]. Обычно в качестве иллюстрации приводится средний уровень бытования языковых знаков – лексические знаки. Так, мы понимаем, что слово «цирк» в его прямом значении относится к развлекательному учреждению, в котором работают акробаты, укротители, иллюзионисты, клоуны и т. д. («*Давайте сходим в цирк в воскресенье?*»), в переносном смысле может означать нечто несерьезное («*Это было не торжественное заседание, а цирк*») и системно соотносится с другими словами, обозначающими развлечения либо нечто предвзвешенное («*Я не очень люблю цирк, лучше сходим в театр*»; «*Надоел этот цирк по телевизору на одну и ту же тему, этот бесконечный балаган*»). Дискурсивное осмысление функциональных знаковых характеристик содержания общения позволяет раскрыть его семантические, прагматические и синтаксические особенности.

Семантика дискурса – это его тематическая отнесенность с ситуативно-личностными уточнениями. Таковы, например, типичные проявления медицинского дискурса в жанре рекомендации:

«Евгений Алексеевич, Вам нужно сбалансировать диету, больше гулять на свежем воздухе и отказаться от вредных привычек. Выходите на прогулку каждый день, лучше в парке. У вас неплохие показатели для

вашей возрастной группы. Постарайтесь поменьше нервничать, смотрите по телевизору передачи о животных. Вот вам рецепт, это новое лекарство, у него нет побочных эффектов. Всего Вам доброго!».

Тема дискурса – состояние здоровья пациента. Ситуативно-личностное уточнение темы – кабинет врача, указание на возраст пациента, некоторое сокращение дистанции между участниками общения, установление доверительных добрых отношений между врачом и пациентом. Дополнительная информация – намеренное либо ненамеренное продвижение определенных медицинских препаратов. Дополнительная культурно-ситуативная информация – характеристика телевизионных передач. Читатель, знакомый с современным российским телевидением, знает, что достаточно часто по основным каналам идут различные политические ток-шоу, вызывающие рост тревожности у широкой аудитории, особенно у людей старшего возраста.

Прагматическое измерение дискурса позволяет установить характеристики воздействия участников общения друг на друга, этот аспект речевой деятельности выдвигает на первый план не тематическую предметную специфику коммуникации, а лично- и ситуативно-обусловленные установки коммуникантов.

Личностные установки участников общения дают возможность определить и описать типичные векторы моделирования дискурса как интерактивного события. В такой интеракции можно противопоставить лично- и статусно-обусловленное общение. В первом случае участники дискурса ведут себя так, как хорошо знающие друг друга партнеры по коммуникации, во втором случае они выступают в качестве представителей тех или иных социальных групп [22]. Это противопоставление основано на известной модели коммуникативных дистанций, предложенных Э. Холлом [23]. Разграничиваются четыре типа таких дистанций – интимная, дружеская, социальная и публичная. Эти дистанции соответствуют возможностям физического контакта и, что важно в коммуникативном плане, влияют на способы общения. Интимная дистанция (ребенок на руках у матери либо обнимающиеся влюбленные) вряд ли интересна для лингвистического описания. Дружеская дистанция (люди, которые держатся за руки или могли бы это делать) характеризуется специфической манерой речи: быстрый темп, не очень четкое проговаривание, наличие жаргонизмов и, в ряде случаев, сниженной лексики, обрывы фраз в случаях, когда собеседник уже понял сообщение, а главное – установка на то, что пресуппозиции собеседника совпадают

с пресуппозициями говорящего, и поэтому нет необходимости в пояснениях. Социальная дистанция (общение на расстоянии, предполагающем, что собеседник услышит сказанное с нейтральной громкостью голоса) ориентирует коммуникантов на общение с незнакомыми или полужнаемыми людьми и отличается отчетливостью речи, стремлением использовать только единицы нейтрального стиля, допущением того, что пресуппозиционный фонд собеседника не совпадает с таким фондом говорящего. На этой дистанции осуществляется общение в различных социальных институтах и люди ведут себя в соответствии с институциональными нормами. Публичная дистанция в этом ряду отличается от всех предшествующих вариантов общения, поскольку расстояние между коммуникантами столь велико, что отправителю речи приходится форсировать голос, контролировать мимику и жесты, при этом общение перестает быть симметричным, поскольку слушающие преимущественно молчат и могут лишь демонстрировать понимание или непонимание и ту или иную степень поддержки по отношению к говорящему.

В лингвистическом плане наибольший интерес представляют дружеская и социальная дистанции общения. Первая характеризует общение между своими, вторая – между чужими. Общение между своими распадается, в свою очередь, на коммуникацию бытовую и бытийную, бытовое общение обеспечивает нормальное функционирование первичных малых групп общества, это коммуникация в семье и между друзьями, бытийное характеризует эмпатическое проникновение во внутренний мир другого человека, пусть и незнакомого, но как бы своего, и относится к художественной литературе, а также к некоторым разновидностям общения с самим собой (личный дневник) или религиозного диалога (исповедь). На уровне личностно-обусловленного дискурса на первый план выступает соотношение между сказанной и подразумеваемой информацией. Отметим, что в семиотике этот вопрос трактуется с двух позиций.

Первая состоит в фундаментальном свойстве любого знака, который лишь частично передает некоторое содержание: всякое высказывание есть иносказание, по Л. С. Выготскому [24]. Любое сообщение представляет собой нечто, подобное айсбергу, и невысказанная часть смысла в нем превалирует. Как только пресуппозиция озвучивается, этот айсберг переворачивается, и адресат вынужден конструировать то, что не высказано:

У людей есть глаза, чтобы видеть. – Простите, я не заметил, что это место занято.

В приведенном диалоге первая реплика представляет собой констатацию общеизвестного положения дел, но содержит упрек адресату, который не обратил внимания на то, что некоторое место было занято. Такие высказывания часто оказываются прагматически нагруженными. Можно согласиться с тем, что в таких высказываниях проявляется «принцип некооперации» [25], осознанное стремление говорящего выйти на конфликт.

Выражение неассертивной, скрытой части высказывания преследует разные цели, в том числе делает такое речевое высказывание необычным и запоминающимся. Такова, например, реклама на одном из кафе:

Мы кормим людей!

Первая реакция при прочтении такого текста – удивление: кого же еще можно кормить в кафе? Пресуппозиция, лежащая в основе предназначения любого предприятия общественного питания – столовой, кафе или ресторана, состоит в том, что посетителями этих заведений являются люди. Дальнейшее тема-рематическое движение мысли при прочтении этого занятого объявления фокусирует наше внимание на акцентированном выражении субъекта: оказывается, что только в этом кафе кормят людей. Третий вариант осмысления этого текста связан с действием, соответственно, возникает мысль о том, что в других подобных заведениях с посетителями делают что-то иное. В целом же можно констатировать, что рекламная цель этого объявления выполнена, такой текст запоминается и привлекает внимание посетителей к этому кафе.

Вторая позиция отражает естественное различие между высказываниями, предназначенными для выражения прямого или непрямого смысла. В обиходной и необходимой речи высказывания, не требующие глубинного осмысления, представлены достаточно широко:

По пути домой купи хлеб; У меня горло болит; Заходите, садитесь. На что жалуетесь? и т. д.

Наряду с этими коммуникативными образцами в общении широко представлены различные виды непрямого общения [26]. Можно выделить два основных подхода к моделированию знаков непрямого общения: в первом случае нас интересует соотношение между выраженным и невыраженным смыслами, во втором случае – интерпретативный вектор смысла.

Говоря о соотношении между невыраженной и выраженной информацией, отметим

бинарное единство пресуппозиции и ассерции, подразумеваемого и эксплицированного компонентов знания. Содержательные характеристики этих компонентов знания весьма различны, в пресуппозициях разграничиваются знания о мире и о нормах поведения, но выделяются и другие основания для построения типологии невыраженного знания, например, общечеловеческие и этноспецифические пресуппозиции. Этноспецифические неассертивные установки образуют совокупность фоновых знаний [27, 28]. Такие неассертивные части смыслов могут быть нейтральными либо маркированными для той или другой группы людей. Например, по неписанному кодексу заключенных им нельзя поднимать с пола упавшую ложку.

В прагмалингвистике традиционно выделяются импликации и инференции, т. е. невыраженный смысл высказывания, соотносимый с позициями отправителя либо получателя речи. Такое распределение интерпретативных позиций соответствует известной модели Дж. Остина [29], в которой противопоставляются локуция, иллокуция и перлокуция (то, что сказано, то, что вкладывается в текст, и то, что воспринимается). Соглашаясь с этой схемой, подчеркнем, что во многих элементарных ситуациях иллокутивный и перлокутивный смыслы совпадают, и, более того, принцип диалогичности общения, сформулированный М. М. Бахтиным [30], нивелирует различия между отправителем и получателем речи. Тем не менее, в ряде случаев импликация и инференция не совпадают:

Едет такси. Сзади сидят двое пассажиров и разговаривают.

– *Представляете – я вчера был в ресторане, так у официанта, когда он наливал вино, не было салфетки на руке.*

– *Да что вы говорите... Я тоже недавно был в ресторане с дамой, так официант меня поддал сначала мне!*

– *Да не может быть!*

Водитель не выдержал и спрашивает:

– *Джентльмены, ничего, что я к вам спешу?*

Беседуя о нарушениях этикетных манер поведения, участники общения стремятся подчеркнуть свой статус светских людей и вкладывают в свои высказывания информацию о том, что эти нормы следует знать. Присутствующий при этом третий участник диалога иронически комментирует их беседу, показывая им, что они ведут себя претенциозно.

В лингвистике выделяется также особый тип невыраженной информации – подтекст, т. е. эмоционально-стилевое содержание, вытекающее из коммуникативной ситуации и со-

держания текста [31]. Обычно о подтексте говорят применительно к художественному тексту, но этот тип невыраженной информации можно установить в обиходном дискурсе, а также в любом виде институционального общения – политического, педагогического, медицинского и т. д. Например:

Перебегал улицу на красный свет и был сбит встречным пешеходом (М. Жванецкий).

Мы знаем, что нельзя переходить дорогу при красном свете светофора, но известно также, что многие в нашей стране нарушают это правило. В ироническом наблюдении известного сатирика сталкиваются несколько информационных пластов: фактическое содержание, парадоксальные сведения о происшествии (обычно пешеходов сбивает транспортное средство), эмоциональный подтекст, в котором выражена мягкая ирония по поводу недостаточного уважения к правилам нашими соотечественниками.

Аналогичный подтекст можно увидеть в примечании, которое обычно делает мой друг, уважаемый российский лингвист, сообщая коллегам в информационной рассылке о предстоящих конференциях:

Дедлайн на самом деле до (указывается дата).

Подразумевается, что мы обычно надеемся на то, что можно немного опоздать.

Интерпретативный вектор смысла акцентирует внимание не на содержании некоторого текста, а на тех установках интерпретатора, которые обеспечивают понимание высказывания. Можно выделить три разновидности таких установок: эмблематическая, аллегорическая и символическая интерпретация дискурса [32]. Эмблематическое понимание дискурса выводит на первый план характеристики личностей коммуникантов. Например:

Ты как с матерью разговариваешь?

Человек должен знать, что с матерью следует общаться с уважением.

Entre nous, спектакль не очень интересен.

Говорящий использует французское выражение («между нами (будь сказано)») для того, чтобы показать свой образовательный статус и продемонстрировать собеседнику, что относит его к людям своего круга.

Моделирование коммуникативных эмблем представляет собой обширное поле для исследований. Сюда относятся, в частности, определенные дискурсивные образования, позволяющие сразу же определить, кем является или кем хочет себя показать собеседник:

Я как историк считаю, что...; Ты чё, типа сачкуешь?; Помогите, милоч!

Подобные эмблемы представляют собой ориентиры для построения коммуникативных установок в любом диалоге.

Аллегорическая организация общения представляет собой намеренное использование знаков, требующих поиска подразумеваемой информации и обычно, хотя и не всегда, допускающих единственное прочтение. Это использование пословиц, цитат, аллюзий, притч и басен или их фрагментов с целью назидания, выражения иронического отношения к чему-либо или для создания определенной атмосферы общения:

Извините, я забыл указать издательство на титульной странице. – Человеку свойственно ошибаться.

Отвечающий даёт понять, что не считает проблему серьезной.

Ничего я не доказал начальнику... Против лома нет приёма.

Оправдываясь, говорящий констатирует ограниченность своих возможностей и, по всей видимости, несправедливость мироустройства.

Символическое осмысление дискурса нацелено на поиск сверхценной информации и допускает множественность интерпретации смысла [33]. Отметим, что в данном случае семиотическое понимание символа как программы интерпретации знака уточняется: перед нами прагматический символ. Например:

Нашедший грош и не поднявший его не стоит даже этого гроша (Мидраш).

В этом изречении говорится о том, что следует ценить те возможности, которые открываются перед нами, какими бы малыми они ни казались вначале. Другое толкование обращает наше внимание на то, что человек сам виновен в том, что с ним происходят те или иные неприятности. Третья интерпретация напоминает нам о том, что не следует отчаиваться, какой-нибудь шанс появится. Список можно продолжить. В этом состоит специфика интерпретации символов: они принципиально открыты для дальнейших толкований. Вместе с тем подчеркнем, что один и тот же текст может быть проинтерпретирован в прямом смысле либо в переносном, а в переносном в ряде случаев воспринят эмблематически, либо аллегорически, либо символически.

У ситуативно-обусловленных установок есть внешние и внутренние характеристики регуляции взаимоотношений между коммуникантами. Внешние характеристики сводятся к пониманию особенностей коммуникативного

режима, который может быть устным либо письменным, контактными либо дистантными, протоколно-документальными либо естественными. Эти и другие характеристики режима общения детально охарактеризованы в известном исследовании М. Халлидея [34]. Внутренние характеристики коммуникативного режима представляют собой выбор определенной коммуникативной тональности, т. е. эмоционально-стилевого формата общения. Такая тональность весьма разнообразна и может быть содержательной либо фатической, информативной либо фасциативной, серьезной либо несерьезной (доброжелательно-шутливой, иронической, саркастической, ернической), идеологически нейтральной либо маркированной, обиходно-естественной либо ритуальной и т. д.

Приведу примеры несерьезной коммуникативной тональности. В Интернете размещено множество шуток о специфическом одесском отношении к жизни:

Одесса. В фойе театра висит заботливое объявление: «Администрация за оставленные вещи переживает, но ответственность всё равно не несёт».

Юмористическая тональность этого объявления состоит в том, что стандартная информация о снятии с себя ответственности за пропавшие вещи сопровождается парадоксальным выражением сочувствия к пострадавшим.

На рынке толкучка. Женщина примеряет шляпы. Вдруг громкий возглас продавщицы:

– Где это чучело, что шляпу меряло?! Сбежала что ли?!

– Да тут я, тут.

– Ой, мадам, вас просто не узнать! Богиня, красавица, ну настоящая графиня!!!

Юмористический эффект диалога заключается во внезапном радикальном изменении отношения продавщицы к покупателю (чучело – богиня). Мы понимаем, что на самом деле это отношение не изменилось, но такое коммуникативное сальто заставляет читателя или слушателя улыбнуться.

В одесском автобусе. Напротив Мони села девушка с метлой в руках. Он еле удержался, чтобы не спросить: – Что, не заводится?

В этой потенциальной реплике видна прямая аллюзия: на метле летают ведьмы, и понятно, что такой вопрос, если бы он прозвучал, стал бы прямым оскорблением. Дополнительная информация осознаётся не сразу: и у ведьмы может случиться поломка, тогда ей приходится ехать в общественном транспорте с простыми людьми. Ситуация

приобретает нелепый характер и поэтому вызывает улыбку.

Юмористическая тональность характеризует ситуации, которые произошли с известными одесситами:

Однажды Утёсов и его друг Набатов зашли в одесскую парикмахерскую. – Будьте добры, постригите меня, – попросил Леонид Осипович мастера. Тот отмахнулся: – У меня обеденный перерыв. – Ну что ты мелешь! – возмущился Набатов. – Ведь перед тобой сам Леонид Утёсов! – Ну да. Так я и поверил. Нашли дурака. – Спокойно ему, – предложил Илья Семенович Утёсову. И тот исполнил куплет известной песни об Одессе. – Ух ты! – восторженно произнес парикмахер. – Вы и вправду Утёсов. – Ну вот и постриги меня. – Сейчас не могу, у меня обеденный перерыв.

Юмористический эффект этой ситуации заключается в нарушении пресуппозиции. Предполагается, что встреча с великим популярным певцом изменит отношение парикмахера к своему посетителю. В результате оказывается, что обеденный перерыв важнее, чем любое другое событие. Такая иерархия ценностей представляется нам комичной. Этот текст в определенной мере технологичен: последовательность реплик программируется.

Синтактика знака в семиотике характеризует соотношение этого знака с другими знаками в системе и их множественную взаимосвязь. Применительно к дискурсу можно говорить о дискурсивной комбинаторике, с одной стороны, и интердискурсивных связях, с другой стороны. Эти два направления синтактики дискурса в полной мере соответствуют синтагматике и парадигматике языковых знаков, по Ф. Соссюру. Уместным представляется и третье измерение дискурса, вытекающее из эпидигматики языкового знака, по Д. Н. Шмелеву [35], т. е. эволюция того или другого дискурса.

Существуют определенные типовые комбинации конкретных высказываний, либо жанров, либо типов дискурса. Так, медийный дискурс смыкается с рекламным, развлекательным и политическим, научный – с педагогическим и просветительским, жанр статьи предполагает связь с жанром рецензии, проповедь связана с исповедью, жалоба – с утешением, оскорбление – с ответным оскорблением и т. д. Отметим, что комбинаторика жанров и конкретных высказываний в составе жанров может носить однородный либо разнородный характер, т. е. жанры могут линейно комбинироваться в рамках одно и того же дискурса либо сочетаться с жанровыми образованиями, относящимися к другому дискурсу (например,

экзаменаторы порой начинают объяснять экзаменуемым суть вопросов, превращая экзамен в лекцию, но иногда вступают с ними в полемику, не относящуюся к теме собеседования, переводя общение в бытовую плоскость).

Интердискурсивные характеристики общения представляют собой ассоциативные отсылки того или другого конкретного высказывания к иной коммуникативной ситуации (цитирование, аллюзия или пародия) либо к иному речевому жанру или типу дискурса.

Стихотворение Н. Басовского является откликом на замечательный поэтический текст Д. Самойлова «Давай уедем в город» («Давай уедем в город, где мы с тобой бывали»):

*Давай уедем в город, где не были ни разу,
нисколько не похожий на виденные прежде,
а разве что на мельком услышанную фразу
о снова обретенной нечаянной надежде.*

*Давай уедем в город, не думая о плате, –
платить придется завтра, а нынче всё
неважно:*

*душа плывёт над миром кабинкой на канате,
и вниз глядеть так остро – и весело,
и страшно.*

*Давай уедем в город, устроим на день
праздник,
порадуемся молча пока зелёным веткам,
а городов немало стеснительных и разных,
и что такое праздник? –
листок, летящий с ветром!..*

В этом тексте, ритмически совпадающем с исходным стихотворением, содержится прямая аллюзия ко множеству текстов о летящем с дерева листке, от «Последнего листа» О. Генри до «Опавших листьев» Жака Превера.

В пародии М. Ахтымова «Сальери и Моцарт» ёрнически обыгрываются содержание и форма известной маленькой трагедии А. С. Пушкина:

*Все говорят – нет правды на земле,
Но нет ее и выше – поглядите,
Кому Господь дает и власть и деньги?
Тем неучам бездарным, что и званья
Великого – певец или композитор,
Не заслужили всей своей халтурой,
И смеют за музыку выдавать
Бездарные и пошлые творенья.*

*Тому пример – приятель мой Сальери,
Когда-то мы с ним вместе постигали
Великие, пленительные тайны,
Которые открыл великий Глюк...
Но глюк другой, ужасный с ним случился –*

*Увы и ах! Его пленили деньги.
И вот он в кабаках шансон голимый
Лабает для окрестной козаностры.
И вот уже попсой своей бездарной
Он уши телезрителей калечит.*

Обличительный пафос речи Сальери из исходного текста карнавалено переверачивается в цитируемых словах Моцарта. Прямая цитата «Нет правды на земле, но нет ее и выше» открывает драматическое действие, а затем происходит резкое снижение стиля. Макароническое соединение лексики высокого стиля с современным жаргоном (*глюк, голимый, лабать, попса*), использование итальянского обозначения мафии *cosa nostra* в русской транскрипции превращает эту развернутую аллюзию в буффонаду, карикатурное изображение события.

Производность, эпидигматическое измерение дискурса, показывает варианты развития различных коммуникативных образований. Известно, что все жанры институционального дискурса возникают на базе повседневного общения: бытовая жалоба в определенной ситуации превращается в официальную жалобу на неправомерные действия кого-либо, обидная угроза становится дипломатически закрепленным протокольным текстом, обещание превращается в присягу, похвала переходит в приказ о поощрении сотрудников. Интересны случаи не только жанровой эволюции, но и инволюции (распада коммуникативного образования, не востребованного в изменившихся условиях общения). Например, весьма распро-

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 19-012-00609 А «Современная российская аксиосфера: семантическая и прагматическая трансформация русского культурного кода»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 136–137.
2. Борботько В. Г. Общая теория дискурса (принципы формирования и смыслопорождения): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 1998. 48 с.
3. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. Волгоград: Перемена, 1997. 139 с.
4. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: пер. с англ. Благовещенск: Благовещ. гуманит. колледж, 2000. 310 с.
5. Демьянков В. З. Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка // Язык. Личность. Текст:

страненные на определенном этапе развития общества заклинания, представляющие собой обращение к высшим силам, постепенно превратились в присловья и затем почти исчезли.

Подведём основные итоги.

Семиотическое моделирование дискурса представляет собой его характеристику с позиций 1) соотношения его формы и содержания, 2) выделения и описания типов содержания. В первом случае противопоставляются три уровня манифестации дискурса на основании признака контекстуализации – высказывание, жанр и тип дискурса. Во втором случае уточняются семиотически релевантные признаки его содержания. Осмысление дискурса как сигнального, иконического или символического знакового образования дает возможность осветить 1) его фатические условия, 2) его тематику в связи с обстоятельствами общения и 3) правила, лежащие в основе его организации. Объяснение дискурса с позиций соотношения его семантики, прагматики и синтактики сориентировано на раскрытие 1) его тематики, 2) личностно-ситуативных характеристик общения (особенно значимы в этом плане различные типы неассертивных смыслов – эмблемы, аллегории и символы) и 3) дискурсивной комбинаторики, интердискурсивных связей и эволюционных изменений дискурса. Семиотическое моделирование дискурса раскрывает его многомерную природу и дает возможность учесть его структурные, тематические, социально-психологические, тонально-прагматические и ситуативно-режимные параметры.

The research is given a financial support by the Russian Foundation for Basic Research (Department of Humanitarian and Social Science), the research project no. 19-012-00609 entitled «Modern Russian Axiosphere: semantic and pragmatic transformation of the Russian cultural code».

сб. к 70-летию Т. М. Николаевой. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 34–55.

6. Кибрик А. А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 126–139.

7. Кубрякова Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (Обзор) // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: сб. обзоров. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 7–25.

8. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.

9. Манаенко Г. Н. Лингвистические координаты понятия «дискурс» // Вопросы когнитивной лингвистики. 2011. № 4. С. 83–92.

10. Седов К. Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности: психо- и социолингви-

стический аспект. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. 180 с.

11. Серю П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: пер. с фр. и португ. М.: Прогресс, 1999. С. 14–53.

12. Степанов Ю. С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип причинности // Язык и наука конца 20-го века: сб. ст. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1995. С. 35–73.

13. Чернявская В. Е. Дискурс как объект лингвистических исследований // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса: сб. науч. тр. СПб.: Изд-во С.-Петербург. гос. ун-та экономики и финансов, 2001. С. 11–22.

14. Brown G., Yule G. Discourse Analysis. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1983. 288 p.

15. Coulthard M. An introduction to Discourse Analysis. L.: Longman, 1985. 212 p.

16. Fairclough N. Discourse and Text: Linguistic and Intertextual Analysis within Discourse Analysis // Discourse and Society. 1992. № 3. P. 192–217.

17. Schiffrin D. Approaches to Discourse. Oxford: Oxford Univ. Press, 1994. 314 p.

18. Slembrouck S. What is meant by “discourse analysis”? URL: <http://bank.rug.ac.be/da/da.htm> (дата обращения: 23.09.19).

19. Stubbs M. Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language. Oxford: Blackwell, 1983. 272 p.

20. Пирс Ч. С. Избранные философские произведения: пер. с англ. М.: Логос, 2000. 448 с.

21. Моррис Ч. Основания теории знаков // Семиотика / под ред. Ю. С. Степанова. М.: Радуга, 1983. С. 37–89.

22. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

23. Hall E. T. The Hidden Dimension. New York: Anchor, 1969. 217 p.

24. Выготский Л. С. Мышление и речь. Изд. 5-е, испр. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.

25. Николаева Т. М. О принципе «некооперации» и / или о категориях социолингвистического воздействия // Логический анализ языка: противоречивость и аномальность текста. М.: Наука, 1990. С. 225–235.

26. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. М.: Гнозис, 2006. 376 с.

27. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Рус. яз., 1980. 320 с.

28. Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М.: Языки славянской культуры, 2002. 224 с.

29. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 22–129.

30. Бахтин М. М. Философия поступка. М.: Лабиринт, 1996. 183 с.

31. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 140 с.

32. Карасик В. И. Языковая кристаллизация смысла. М.: Гнозис, 2010. 351 с.

33. Аверинцев С. С. Символ // Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энцикл., 1983. С. 607–608.

34. Halliday M. A. K. Language as social semiotic: the social interpretation of language and meaning. L.: Arnold, 1978. 256 p.

35. Шмелев А. Д. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М.: Наука, 1973. 280 с.

REFERENCES

1. Arutyunova N. D. Diskurs [Discourse]. In: *Lingvisticheskiy enciklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya enciklopediya Publ., 1990, pp. 136–137 (in Russian).

2. Borbot'ko V. G. *Obshchaya teoriya diskursa (principy formirovaniya i smysloporozhdeniya)* [General theory of discourse: principles of formation and text generation]. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Krasnodar, 1998. 48 p. (in Russian).

3. Vodak R. *Yazyk. Diskurs. Politika* [Language. Discourse. Politics]. Volgograd, Peremena Publ., 1997. 139 p. (in Russian).

4. Dejk T. A. van. *Yazyk. Poznanie. Kommunikaciya* [Language. Cognition. Communication]. Blagoveshchensk, Blagoveshch. humanit. kolledzh, 2000. 310 p. (in Russian).

5. Dem'yankov V. Z. *Tekst i diskurs kak terminy i kak slova obydenogo yazyka* [Text and discourse as terms and words of everyday language]. In: *Yazyk. Lichnost'. Tekst: sb. k 70-letiyu T. M. Nikolaevoy* [Language. Personality. Text: Collection of articles to the 70th anniversary of T. M. Nikolaeva]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2005, pp. 34–55 (in Russian).

6. Kibrik A. A. Cognitive investigations of discourse. *Voprosy yazykoznaneya*, 1994, no. 5, pp. 126–139 (in Russian).

7. Kubryakova E. S. O ponyatiyah diskursa i diskursivnogo analiza v sovremennoj lingvistike (Obzor) [On the notions of discourse and discourse studies in modern linguistics]. In: *Diskurs, rech', rechevaya deyatel'nost': funktsional'nye i strukturnye aspekty: sb. obzorov* [Discourse, speech, speech activity: functional and structural aspects: Collection of reviews]. Moscow, INION RAN, 2000, pp. 7–25 (in Russian).

8. Makarov M. L. *Osnovy teorii diskursa* [Foundations of discourse theory]. Moscow, Gnozis Publ., 2003. 280 p. (in Russian).

9. Manaenko G. N. Linguistic coordinates of the notion “discourse”. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], 2011, no. 4, pp. 83–92 (in Russian).

10. Sedov K. F. *Stanovlenie diskursivnogo myshleniya yazykovoy lichnosti: psiho- i sociolingvisticheskiy aspekty* [Discursive thinking formation of linguistic personality: psycholinguistic and sociolinguistic aspects]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 1999. 180 p. (in Russian).

11. Serio P. Kak chitayut teksty vo Francii [How texts are read in France] In: *Kvadratura smysla: Francuzskaya shkola analiza diskursa* [Sense quadrature: French School of Discourse Analysis]. Moscow, Progress Publ., 1999, pp. 14–53 (in Russian).

12. Stepanov Yu. S. Al'ternativnyj mir. Diskurs. Fakt i princip Prichinnosti [Alternative world. Discourse. Fact and the cause principle]. In: *Yazyk i nauka konca 20-go veka: sb. st.* [Language and science of the end of 20th century: coll. of art.]. Moscow, Ros. gos. humanit. un-t, 1995, pp. 35–73 (in Russian).

13. Chernyavskaya V. E. Diskurs kak ob'ekt lingvisticheskikh issledovaniy [Discourse as the object of linguistic investigation]. In: *Tekst i diskurs. Problemy ekonomicheskogo diskursa: sb. nauch. tr.* [Text and discourse. Problems of Economic Discourse: Collection of articles].

St.-Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. gos. un-ta ekonomiki i finansov, 2001, pp. 11–22 (in Russian).

14. Brown G., Yule G. *Discourse Analysis*. Cambridge, Cambridge University Press, 1983. 288 p.

15. Coulthard M. *An introduction to Discourse Analysis*. London, Longman, 1985. 212 p.

16. Fairclough N. Discourse and Text: Linguistic and Intertextual Analysis within Discourse Analysis. *Discourse and Society*, 1992, no. 3, pp. 192–217.

17. Schiffrin D. *Approaches to Discourse*. Oxford, Oxford University Press, 1994. 314 p.

18. Slembrouck S. *What is meant by “discourse analysis”?* Available at: <http://bank.rug.ac.be/da/da.htm> (accessed 23 September 2019).

19. Stubbs M. *Discourse Analysis: The Sociolinguistic Analysis of Natural Language*. Oxford, Blackwell, 1983. 272 p.

20. Peirce Ch. S. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya* [Selected philosophical works]. Moscow, Logos Publ., 2000. 448 p. (in Russian).

21. Morris Ch. Osnovaniya teorii znakov [Foundations of sign theory]. In: *Semiotika* [Semiotics]. Yu. S. Stepanova, ed. Moscow, Raduga Publ., 1983, pp. 37–89 (in Russian).

22. Karasik V. I. *Yazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Linguistic circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002. 477 p. (in Russian).

23. Hall E. T. *The Hidden Dimension*. New York, Anchor, 1969. 217 p.

24. Vygotskij L. S. *Myshlenie i rech'* [Thought and speech]. Izd. 5, ispr. Moscow, Labirint Publ., 1999. 352 p. (in Russian).

25. Nikolaeva T. M. O principe “nekooperacii” i / ili o kategoriyah sociolingvisticheskogo vozdejstviya [On the “non-cooperation” principle and / or on categories of sociolinguistic influence]. In: *Logicheskij analiz yazyka: protivorechivost' i anomal'nost' teksta* [Logical analysis of

language: inconsistency and anomaly of text]. Moscow, Nauka Publ., 1990. pp. 225–235 (in Russian).

26. Dement'ev V. V. *Nepryamaya kommunikaciya* [Indirect communication]. Moscow, Gnozis Publ., 2006. 376 p. (in Russian).

27. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. *Lingvostranovedcheskaya teoriya slova* [Linguistic and cultural theory of word]. Moscow, Russkij yazyk Publ., 1980. 320 p. (in Russian).

28. Shmelev A. D. *Russkaya yazykovaya model' mira: Materialy k slovaryu* [Russian linguistic world model: materials to the dictionary]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2002. 224 p. (in Russian).

29. Austin J. Slovo kak dejstvie [How to do things with words]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. 17. Teoriya rechevyh aktov* [New in foreign linguistics: Issue 17. Theory of Speech Acts]. Moscow, Progress Publ., 1986, pp. 22–129 (in Russian).

30. Bahtin M. M. *Filosofiya postupka* [Philosophy of action]. Moscow, Labirint Publ., 1996. 183 p. (in Russian).

31. Gal'perin I. R. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic investigation]. Moscow, Nauka Publ., 1981. 140 p. (in Russian).

32. Karasik V. I. *Yazykovaya kristallizaciya smysla* [Linguistic crystallization of meaning]. Moscow, Gnozis Publ., 2010. 351 p. (in Russian).

33. Averincev S. S. Simvol [Symbol]. In: *Filosofskij enciklopedicheskij slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sovetskaya enciklopediya Publ., 1983, pp. 607–608 (in Russian).

34. Halliday M. A. K. *Language as social semiotic: the social interpretation of language and meaning*. London, Arnold, 1978. 256 p.

35. Shmelev D. N. *Problemy semanticheskogo analiza leksiki (na materiale russkogo yazyka)* [Problems of lexis semantic analysis (on the material of the Russian language)]. Moscow, Nauka Publ., 1973. 280 p. (in Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Карасик В. И. Высказывание, жанр, дискурс: семиотическое моделирование // Жанры речи. 2020. № 2 (26). С. 90–99. DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-2-26-90-99>

For citation

Karasik V. I. Utterance, Genre, Discourse: Semiotic Modeling. *Speech Genres*, 2020, no. 2 (26), pp. 90–99 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2020-2-26-90-99>

Поступила в редакцию: 23.11.2019 / Принята: 17.01.2020 / Опубликовано: 01.06.2020

Received: 23 November 2019 / Accepted: 17 January 2020 / Published: 01 June 2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)